

Людочка очень любила выходные. Могут сказать: «Ха! Умная нашлась! Кто же не любит, когда на работу идти не надо?!» Так в семь лет на работу никто и не ходит. А Людочке тогда как раз седьмой годик шел. Далеко, правда, еще до дня рождения — половинку лета подождать и потом еще до снега. Но девочка уверенно говорила всем, что ей семь и скоро в школу.

«Ну, почти же уже», — думала про себя.

В садик она тоже не ходила, потому что была ребенком деревенским и домашним. И опекала ее своей любовью, не меньшей, чем весь большой мир, бабушка-бабуля. Присядет бабушка у печки от забот отдохнуть, положит руки на колени. Внучка уткнется личиком в ее теплые ладони, а они счастьем пахнут. И нет сразу ни пыльных громыхающих машин на дороге рядом с домом, ни грозы над огородом. Так и плыла Людочка день за днем в лодочке из бабушкиных ладоней.

Но все другие дни никак не могли сравниться с любимыми субботой и воскресеньем, потому что в выходные вместе

с бабулей дома были папочка и мамочка. И счастье становилось совершенно полным. В воскресный день в комнате почему-то всегда светлее. Даже если облака в окошках, все равно светлее, чем в простые дни. Светило солнышко у Людочки — прямо во все сердечко. Домашние дела вокруг происходили. Они такие хорошие, как зерна в спелом початке — одно к одному, и все на радость. Папа сгребал с кровати подушки, одеяла, перины и выносил на улицу. Там усердно дубасил их палкой-выбивалкой, а потом раскладывал по всей ограде прожариться на солнцепеке и пообдуться теплым ветерком. А мама мыла полы. Вымоет половину комнаты, застелет чистыми дорожками и говорит Людочке: «Прыгай, доча, на сухое». Люда с диванчика, на котором пережидала, — прыг на дорожки, как зайчонок с островка на островок во время половодья. И весело им с мамой от этого.

И блины в выходные у бабули какие-то особенные получались. Как обычно, вроде бы, пекла и маслом тем же щедро смазывала, а они особенные выходили — улыбчивые. Смотрели на людей и улыбались лоснящимися круглыми личиками.

Венец всему — баня. Вот дар-то божий! И сколько в ней чудес разных происходило — только удивляться.

— Готова баня, — говорил папа и первым уходил париться. Через час возвращался с красным лицом и простыней на плечах. Пил из большущей кружки бабушкин холодный квас, который срывает крышки с банок, и приговаривал: «Ох, и пар! Ох, и пар! Уши в трубочку сворачивает!» И Людочка с тревогой рассматривала, как же это у папы ушки трубочками стали. Неправильные какие-то чудеса. Но потом успокаивалась, потому что видела перед собой очень даже плоские уши, а вовсе никакие не трубочки.

Жар наполовину спадал, и наступала мамина очередь париться. И тут уж чудо точно было налицо.

— Ух, лечу! — широко распахивала мама руки после бани. — Десять лет скинула!

— Мамочка, ты у меня самая-самая молодая! — хлопала Людочка в ладошки. — Самая-самая красивая!

Когда же баня остывала до теплого, шли пускать в тазу с водой желтого резинового утенка бабушка с внучкой. Нахлюпаются, на-

моются — тогда уже все дома в сборе. И происходило в этот момент самое главное чудесное банное превращение.

— Личико-то как сияет, — любовалась мама дочкой, — как пуговичка золотая.

Потом сидели они за столом рядышком. В тишине, в домашних белых рубашках, чистые и светлые.

Ночь неслышно ступала по околице. Людочка терла кулачками глазки.

— Спать пора, — раздольно потягивался папа, — кончились выходные.

На одной стене — окно, на другой — окно. А между ними в светлом углу божничка висит. Не высоко, не низко, чтобы рукой удобно было дотянуться. Это ящичек такой плоский с застекленной дверцей. Вещь старая, из потемневшего дерева. За стеклом внутри окладом по краю разноцветные бумажные цветы для украшения. А по центру на задней стенке — икона семейная, наследственная, что от матери к дочери всегда переходила. На иконе Бог. Выставил перед собой два сложенных пальца и смотрит на всех внимательно.

— Бог все видит, — говорила бабуля. — Вот обманешь кого, и живешь пося дурнем, думаешь себе, что не узнат никто. А про тебя уж давно все ведомо.

В нижний край божнички были вбиты два гвоздика. На них Людины папа и мама вешали свои наручные часы — цепляли за ободок застежки на ремешке. Вечером повесят, утром снимут.

Во времена Людочкиного детства наручные часы ценились и имелись не у каждого. Это сейчас их разных полно. Хоть дорогу ими выкладывай, на тысячу километров хватит. А тогда — что ты! Если часы подарят кому, так это очень дорогой был подарок.

Папа часы маме подарил, когда Людочка родилась. Себе раньше, еще до свадьбы, с первой полочки купил. А маму за дочку часиками отблагодарил. Маленькие они совсем, с белым циферблатиком и серенькими стрелочками. Простенькие, но такие маме дорогие.

Так и висели рядышком родительские часы на божничке.

А однажды у маминых часиков стекло отвалилось. Отпало где-то на ходу и потерялось. Мама до слез расстроилась.

— Эх-х, — вздохнул папа. — Ладно, пусть повисят. Потом в городе в ремонте новое поставим.

В город дороги все не было и не было. Мама каждый день заводила часики и оставляла на гвоздике. Шло на них время потихонечку.

К Людочке в гости братец двоюродный приехал, Сережка. Мальчишка городской, сбитый, задиристый, упрямый. Ему было пять лет, и с девчонками он не водился. И вообще, это он не сам приехал, а его родители в деревню сослали. Сестренку только и удостоил тем, что посопел перед ней молча носом, да и убежал на улицу. Быстренько перезнакомился с деревенскими пацанами и заливался играть на целый день.

— Фу, задавака, — надулась Людочка, — ну, и не надо. Подумаешь!

И продолжила заниматься своими делами. Она делами занималась, а простые дни шли так медленно! Такими длинными были, как, наверное, их улица, которая тянулась через всю деревню. И до выходных еще — ждать и ждать.

— Бабуля, какой сегодня день?

— Середка, Людочка, среда.

— О-ох, — вздыхала девочка, — нескоро до них.

Походила Люда, походила, посмотрела на мамины часики, и вдруг ее осенило: «Время же по часикам идет. Как стрелочки двигаются, так и время идет. Если я их быстро покручу, то и время быстро убежит, а выходные близко станут».

Бабушка ушла в огород сорняки дергать, Людочка одна осталась. Посмотрела еще немножко на мамины часики и решила. Подтащила под божничку табурет, забралась на него и дотянулась до часиков. Вот они и в руках. И сразу стало страшно — совсем они маленькие, а по ним все-все время большое идет. Что же там внутри спрятано, раз они такие сильные? Тайна...

«Прокручу стрелочки один кружочек, — думала Люда, — и сразу завтра настанет. И всего один денечек до выходных будет».

Присела на табурете на корточки, осторожно пальчик к стрелочкам поднесла. И прокрутила кружок. По сторонам посмотре-

ла, в окно глянула — как будто бы и не поменялось ничего. То ли сегодня это, то ли завтра уже. Непонятно...

«Надо, наверное, еще кружочек прокрутить. Тогда уже точно понятно будет, что завтра наступило...»

Снова поднесла пальчик к часикам. Но только чуть двинула им, а одна стрелочка на пальчике и осталась, прилипла.

— О-охх... — обомлела девочка от страха.

«Скорее... скорее надо стрелочку назад прилепить...» Ткнула пальчиком со стрелочкой в циферблат, а она, наоборот, — отлепилась и вниз полетела. И попала как раз в щель между двумя досками.

Все! В комнате потемнело, табурет вместе с полом закачался под Людочкой. Время в подпол упало!

«Может, время светится под полом... — лихорадочно соображала перепуганная Люда, — и я увижу его там... И как-нибудь достану...»

Она быстренько повесила часики на гвоздик, слезла с табурета и на пол легла. Подставила глазик близко-близко к щели между досками, а оттуда на нее черная темнота уставилась, и затхлостьюдохнуло.

Тут щеколда в сенях стукнула. Едва Людочка успела на ножки встать, как бабуля уже в комнату вошла и затащила за собой за руку Сережку. Братец упирался, исподлобья смотрел. Одна нога у него в крови вся.

— Ты погляди на него! — ругалась бабушка. — Я с огорода иду, а он в калитку ковыляет, сорванец непутевый. Ну-ка, Люда, пусти нас, на тубаретку его усадим.

Внучка сразу в сторонку отшагнула и совсем уже растерялась от всего.

— Ой, матынька моя! — рассмотрела рану на коленке внука бабуля. — Угробил ногу! Где ж глазоньки твои были, что ты саданулся так?! Ладно, сиди, терпи...

Она хорошенько вымыла Сережкину пораненную ногу. Взяла «зеленку» и так густо назеленила ему коленку, что ребятишкам стало ясно — это никогда не отмоется.

— Все, — закончила бабушка лечение, — на улицу ни шагу с такой ногой! Дома сиди. Вон, у сестренки учись, какая она прилежница, и не хулиганит, как ты.

Сережка после этих слов еще больше надулся, а Людочка глаза спрятала, в пол уставилась.

Больше уже до конца дня ничего не случилось. Бабушка с огорода вернулась, потом родители с работы. Поужинали, и до ночи уж недалеко. И никто ничего не заметил.

А утречком-то все и началось. Мама, как всегда, сняла часики с гвоздика — завести да повесить снова. Посмотрела на циферблат — вот те на! — стрелочка одна всего.

— Это что ж такое? — в недоумении остановилась мама. — А вторая-то стрелка куда делась?

— Чего там у тебя? — подошел папа.

— Так вот... стрелка одна почему-то...

— Да что ж ты?! Говорил же, не носи без стекла!

— А я и не носила вовсе.

— Ай, ну тебя! Ухайдокала часы! — с досадой махнул он рукой и отправился на работу. «Надо стрелку тоже в ремонте сделать», — подумал про себя.

— Сдается, тут еще кое-кого спросить надобно, — сказала бабушка. — Ну-ка, голубы мои, просыпайтесь, — направилась она сначала к кровати, на которой спал Сережка.

— Ой, ладно, на работу опаздываю, — снова повесила мама часики на гвоздик и убежала следом за папой.

— Вставай-ка, вставай-ка, вставай-ка, — тормошила бабуля внука, — на дворе светлым-светло.

Мальчишка упрямился, недовольно бурчал, отталкивал ее руки. Новсежепроснулся. А Людочка давно не спала. Лежал тихо и слушала разговор взрослых. Ой, как ей было стыдно! И за то, что папа маму из-за нее ругал. И за то, что мама расстроится, когда все про нее узнает. Что она такая прилежная, а так могла сделать. Очень мама расстроится.

— Иди-ка и ты ко мне, — позвала ее бабушка. — Давайте, встаньте рядышком и в глаза мне смотрите. И сознавайтесь, кто вчера часы с божнички сымал. Ты брал? — заглянула в глаза Сережке.

— Не брал я ничего, — посмотрел тот в ответ круглыми зелеными глазами и насупился.

— Правду мне говори!

— Не нужны мне ваши часы! — повернулся он боком. — Я домой хочу!

А Людочка глазки поднять не могла, смотрела и смотрела на дорожку под ногами. Щечки у нее красными сделались, как спелые помидорки. Бабушка заметила.

— А ты не брала, внучка? — спросила.

И Люда в ответ чуть-чуть, едва заметно, отрицательно повела головой. Словно не сама она, а кто-то невидимый без разрешения немножко покачал ее голову.

— Ну, коли так, отстану от вас, — прищурила глаза бабуля, — дальше бегайте-гуляйте. Но ежели у нас тут кто обманом решил заняться, пушай знает, что часики-то мамкины, вон, на божничке висят. И Бог ее время, как вожжи, в руках держит. За вранье чужое будет он у мамы время забирать, а взамен напускать хвори разные. Ну, гуляйте теперь.

Серезка и правда скоро на улицу убежал, а Людочка места себе не находила. На лавочку присядет — плохо ей. На крыльцо выйдет — обратно в дом зайти хочется. С кошкой их ласковой решила поиграть, но та вдруг коготки показала и ушла от нее по своим делам. Даже кукла любимая весь день никак не убаюкивалась и почему-то плакала и плакала.

А вечером ни бабушка, ни мама, ни папа — никто про часики ни слова.

«Неужели, они забыли? — с замирающим сердечком ждала Люда, что сейчас ее снова спросят про стрелочку. — Почему же они не спрашивают? Обязательно признаюсь во всем, чтобы Бог у мамочки время не забирал. Подожду еще немного... до завтра всего подожду и обязательно все расскажу».

Наступило завтра. И это уже была пятница.

«Вот, и так один денечек до выходных остался,— продолжала переживать Людочка. — Если бы я стрелочки не крутила, то и время бы в подпол не упало, а просто бы быстренько прошло. А Серезка все по улице бегают, и зеленка у него на коленке уже стерлась. Конечно! Ему же не надо признаваться, что он сломал часики. И мама его не расстроится, оттого что он плохой, а не хороший».

У Люды было славное место для прогулок. Под их огородом зеленели просторные полянки с ее любимыми цветочками. А за

полянками бежала тоже любимая речка-невеличка Марушка. Так там хорошо гулялось, что и не надо места лучше.

«Пойду сейчас под огороды, — решила Людочка, — нарву красивых цветочков. Подарю моей любимой мамочке и расскажу все».

Пришла на полянки, а цветочки словно и не рады ей. Васильки синие носики наморщили, отвернулись. Колокольчики бутончики сжали, молчат. А ромашки-подружки вообще подевались куда-то. И здесь все плохо — покатались слезки по щечкам.

Подошла к Марушке. Течет вода в реченьке, неглубокая, быстрая. А напротив их огорода под тальником тонким омуток воду крутит. Папа остерегал всегда: «Сюда не лезь, глубина здесь, ямка». Посмотрела Люда на омут, а у него глаза круглые, зеленые, как у братца Сережки. Хмуро глядит, насупился.

— Омуточек мой хороший, — совсем расплакалась девочка, — не смотри на меня такими ругливыми глазками. Я всю правду мамочке расскажу. Подожду еще немножко, а завтра всю правду расскажу. И Бог перестанет у мамочки время забирать.

И отправилась домой, всхлипывая, без цветочков. По дороге почувствовала, что морозец колючий по ней бегаёт. Раз пробежал, да другой, а потом перестал. Зато очень жарко стало.

Вернулась. По ограде походила, в комнате куклу понянчила. Папа с работы вернулся, из подполья банку с квасом достал.

— Ух, резкий! — выпил целую большую кружку. — Холодненький! Чего такая невеселая, дочка? Пятница сегодня! Завтра твои любимые выходные настанут. погоди, щас я к соседям схожу быстренько и вернусь. Поиграем с тобой.

Ушел. И мамы еще с работы нет. И бабушка в огороде где-то. А Людочке совсем уже жарко-прежарко.

«Когда папе после бани жарко, — сообразила она, — он же квасом остывает. Надо и мне квасу попить».

Папа крышку неплотно закрыл. Люда уселась на табурет, открыла банку, наклонила и принялась через край квас пить. А он холодный, даже зубки заломило.

«Надо побольше выпить, чтобы сильнее остыть, — и глотала, глотала, пока горлышко не замерзло. — Все, теперь хватит».

Тут бабушка вошла.

— Ты чего ж краснющая вся? — сразу спросила и положила

внучке на лоб ладонь. — Эх ты, да к тебе жар пристал. Ну-ка, быстро в постель, раздевайся.

Сама давай покрывало с кровати снимать и подушки поправлять с одеялом. Потом банку с квасом на столе увидела открытую.

— Это ты что же, квас холодный дула?

— Я чтобы остыть, бабуля.

— Ох-ох, додумалась... и я ротозейка...

И все. Будто бы это не пятница пришла, а сразу понедельник наступил. Бабушка с хмурым лицом какую-то траву заваривает. Мама с работы вернулась — за голову схватилась. Папа за банку с квасом нагоняй получил.

Дали Людочке горькую таблетку, напоили каким-то горьким чаем, и она уснула. Проспала всю ночь, а утром оказалось, что и горлышко у нее заболело. Словно ей картошинка круглая, которую в костре испекли, прямо горячая дальше язычка закатилась и жжет сильно. Голосок охрип, а жар так еще сильнее стал.

Папа на мотоцикле тетеньку врача привез. Она Люду послушала, горлышко посмотрела и сказала: «Ангина». Выписала рецепты, разъяснила, как лечить, и папа увез ее обратно.

Вокруг Людочки все хлопочут, делают, что врач прописал. Даже Сережка подошел, протянул шоколадную конфету и буркнул: «На». Только ей вовсе не хотелось конфет. И от блинов бы бабулиных тоже отказалась, если бы она их напекла. Но никто ничего и не пек. Все ходили с грустными лицами. И в доме светлее не стало, чем в простые дни. Отменились ее любимые выходные.

К вечеру голосок у Люды еще больше охрип, а жар только чуть отступил.

«А вдруг я совсем говорить перестану... — думала она, когда дело подходило к ночи. — Ой, а вдруг умру потом... Вдруг завтра я уже не смогу мамочке правду рассказать, и Бог у нее все время заберет...»

— Мама, — позвала Людочка тихо и хрипленько. И зажмурилась.

— Что, моя хорошая? — тут же подошла мама.

— Я хочу тебе правду рассказать, про часики, — сказала, а сама глазки от стыда открыть не может.

— Ну, так и скажи, если хочешь, — погладила мама дочку по потемневшим от пота волосикам и присела на край кровати.

— Это я стрелочку сломала, а не Сережка, — выдохнула и замерла. Только сердечко бегом тук-тук-тук...

— Да ты девочка моя, — покачала головой и чуть сама не расплакалась мама, — томилась столько. И призналась бы сразу. Боялась?

— Я сначала боялась, что ты расстроишься, что я плохая у тебя, а не хорошая. А потом еще забоялась, что сначала обманула.

— Все-все-все, не надо больше бояться. Все плохое уберем, все плохое отведем. А ты у меня самая-самая хорошая.

— Мамочка, а Бог больше не будет у тебя время забирать за мой обман?

— Время забирать? Да что ты?! Мне за такую золотую доченьку Бог больше добавит времени, чем забрал. А папа новые стрелочки потом на часиках сделает. И голосок у тебя скоро-скоро звонче прежнего станет. Послушай-ка, я тебе песенку спою.

И запела тихо:

Дон-дон-тили-дон,
За окошком бродит сон.
К нам скорее заходи,
Люду сладко усыпи.
Скоро ноченька пройдёт,
Красно солнышко взойдёт.
Сад весенний расцветёт,
Вольна пташка запоёт...

И снились Людочке мамины часики с новыми стрелочками на божничке. И папины рядышком. А еще приснилось, как улыбаются ей любимые цветочки на полянках под огородами, на берегу речки-невелички Марушки.